

УДК 811.1:008+316.7(571.1/.5)

DOI: 10.17223/19986645/67/2

Т.А. Демешкина, Е.Е. Дутчак

СОЦИОКОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ТРАНСГРАНИЧЬЯ: МОДЕЛЬ РЕКОНСТРУКЦИИ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОГО ЛАНДШАФТА СИБИРИ⁶

Обосновывается эффективность междисциплинарного подхода к изучению культурно-языкового ландшафта Сибири как трансграничного региона, формирующегося на протяжении длительного исторического периода под влиянием интегративных и дезинтегративных тенденций. Предлагается модель реконструкции социокоммуникативного пространства региона, состоящая из четырех компонентов («физический субстрат», «системы регулирования», «интеракции и действия», «символическое кодирование и восприятие»).

Ключевые слова: трансграничье, культурно-языковой ландшафт, модель, социокоммуникативное пространство, Сибирь.

Введение

Противоречия между интеграционными ценностями глобального мира и национальными, этническими идеологиями, нацеленными на воспроизводство собственных культурных и языковых практик, находятся в исследовательском фокусе целого ряда гуманитарных дисциплин. Названные противоречия существуют не только в областях, которые принято называть фронтальными, но и в регионах со срединным геополитическим положением. Именно такие регионы, история и / или современность которых связаны с включенностью их в международные торговые пути, а стационарная поселенческая (городская и сельская) сеть сложилась в результате длительных внешних и внутренних миграций, контактов пришлых и индигенных этносов, являются уникальной исследовательской площадкой для решения **фундаментальной научной проблемы** выявления факторов, обеспечивающих прочность и устойчивость локальных форм языкового и социокультурного пространства в условиях маятниковой актуализации интегративных и дезинтегративных тенденций. В данной статье она решается на примере сибирского региона с привлечением языковых, литературных, историко-культурных, археологических данных.

Феномен «трансграничья». Культурно-языковой ландшафт Сибири как междисциплинарный объект исследования. Решение поставленной задачи предполагает обращение к феномену трансграничности.

⁶ Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

В настоящее время термин используется преимущественно в политологической научной литературе при изучении влияния экономического сотрудничества на «размывание» границ национальных государств [1, 2]. Вместе с тем уже с 70-х гг. XX в. предпринимаются попытки его реинтерпретации и, как следствие, формирования новой исследовательской оптики. Этот факт нашел отражение в работах, определяющих трансграничный регион как исторически сложившуюся территорию, которая в течение длительного времени существовала в по-, между- и надграницных состояниях и сохранила их «следы» в инфраструктуре, средствах жизнеобеспечения, социально-правовых нормах, менталитете и языке населения [3–5].

Такая трактовка включает Сибирь в число территорий, обладающих признаками трансграничности. С XI в. она стала частью Евразийской торговой магистрали, с XVIII в. ее географическое положение осмысливалось в системе «просвещенный запад» / «дикий восток» и с помощью концепта «движение». Для имперской администрации она выступала местом перемещения податного населения и ссыльных, плацдармом для геополитической экспансии; для интеллектуальной элиты воплощала успешное расширение «христианской цивилизации»; для русского крестьянина предоставляла возможность избежать давления государственных модернизационных реформ и получить свободу хозяйствования и вероисповедания.

Вынужденные и добровольные переселения, контакты легальных и нелегальных мигрантов разной социальной принадлежности друг с другом и с индигенными народами, находящимися на разных стадиях политического и экономического развития, сформировали сложную языковую и историко-культурную палитру региона [6]. Отличия в картинах мира населения, живущего в прилегающих к основным транспортным путям районах [7. С. 217–283] или удаленных от них, отражены в репрезентациях Сибири, иногда имеющих взаимоисключающий характер. В зависимости от времени создания, места и назначения литературного, идеологического и конфессионального текста территория «за Уралом» могла представлять как локусом-хранителем традиций, так и местом ссылки, каторги и произвола, разрушающего или деформирующего культурно значимые императивы и ценности [8–10].

Не умаляя важности изучения названных аспектов, по-прежнему находящихся в поле зрения лингвистики и литературоведения, истории и археологии, отметим, что дисциплинарная изолированность является эффективной лишь при рассмотрении обстоятельств генезиса и характерных черт локальных культурно-языковых или социальных общностей. Проблема заключается не только в том, что дальнейшее продвижение в изучении сибирских диалектов и сибирской литературы требует привлечения материалов по истории аграрной колонизации и промышленной модернизации края, а реконструкция этапов становления «имперской», «советской» и «постсоветской» Сибири обращения к региональному литературному наследию и эмпирическим данным об изменениях повседневной речи населяющих ее народов и конфессий, но и в необходимости разработки единых методологических оснований для изучения сложных социокуль-

турных феноменов. В научной литературе последних десятилетий использование результатов исследований в смежных областях знания часто определяется как междисциплинарный и/или комплексный подход. В действительности междисциплинарность может выступить продуктивной стратегией при условии, если она не ограничена задачей взаимного увеличения валидности выводов, но предполагает выбор единого объекта – в нашем случае это феномен «сибирского трансграничья» – и теоретико-методических оснований его анализа.

Постановка вопроса обращает к идущим с конца 1990-х гг. дискуссиям о пространстве – является ли оно независимой от людей физической реальностью или социалью конструируемой величиной. В ходе «пространственного поворота» (spatial turn), основанием которого стали работы Г. Зиммеля, П. Бурдьё, А. Лефевра и Э. Гидденса, предложивших пути преодоления искусственных разрывов в изучении объективных структур и представлений о них, наметился постепенный отказ от внеисторического понимания пространства (зарубежную и российскую историографию вопроса см.: [11. С. 15–16, 31–32; 12; 13]).

Целевая установка нового подхода, наиболее ярко выраженная формулировкой «пространств не существует, пространства создаются» [14], в изучении Сибири имеет первостепенное значение. Во-первых, она позволяет дифференцировать типы коммуникаций, проявляющие себя на каждом этапе ее исторического развития: рожденные самой ситуацией движущейся границы, возникшие под влиянием нормативных и властных институтов и обусловленные схемами восприятия, мышления и действия социальных групп. Во-вторых, она делает возможным научный анализ ключевых признаков трансграничья – многослойности и дискретности. Например, для Сибири выражением многослойности является пересечение вертикальных и горизонтальных коммуникаций: государственные связи с метрополией всегда сосуществовали с естественно сложившимися межэтническими и межконфессиональными контактами населения, в том числе с соседними регионами и странами. Это обеспечило единообразие привнесенных сюда официальных «мест светской и духовной власти» и вариативность квази-управленческих локусов, происхождение которых связано с крестьянским обычным правом, негосударственными формами христианства или правовыми традициями индигенных этносов. В языковой сфере многослойность проявляется в своеобразии коммуникативных ситуаций, складывающихся в отдельных селах и деревнях, жители которых являются представителями разных народов и народностей, а также в топонимической системе региона.

Дискретность сибирского пространства стала следствием земледельческо-промыслового освоения края и очагового размещения населения и позднее была закреплена относительно быстрым переходом Сибири от зоны фронта и транзитной торговли к постиндустриальной стадии⁷. Это

⁷ Начало этого процесса принято относить к середине XIX в. – времени, когда на основе комплексной экономики был восстановлен традиционный для русского крестья-

привело к складыванию микрорегионов с отличиями в формах жизнеустройства, но при этом сохраняющих толерантное или как минимум нейтральное отношение к культурным традициям сибирских народов.

Динамичный характер формирования и трансформации социальных институтов и отношений показывает, что в условиях сибирского трансграничья стабилизирующую функцию выполняют пространственные объекты природного и искусственного происхождения, символика которых позволяет им осмысляться в логике бинарности – дорусское / русское, старожильческое / переселенческое, прогрессивное / отсталое; относящееся к власти / подчинению, идеологически верному / враждебному, экономически выгодному / убыточному, подлежащему сохранению / забвению и т.д. Широкий диапазон рождаемых ими смыслов определяется тем, что в этом качестве могут выступать как отдельные элементы регионального ландшафта, например сакральные локусы и культовые строения, так и созданные литературным текстом, устным нарративом и этническим мифом образы природных комплексов (*мать-река*, *тайга-кормилица* и др.), населенных пунктов (Новосибирск – новая столица Сибири, Томск – Сибирские Афины, студенческая столица, город трудовой доблести, Нарым – место ссылки, гибельный край и пр.) и даже технических сооружений (Транссибирская магистраль – связующая нить Европы и Азии). Показательно при этом, что языковой пласт, связанный с бизнес-инкубаторами, технико-внедренческими зонами пока не освоен в словесной культуре сибиряков, художественные, фольклорные и бытовые тексты по-прежнему фиксируют восприятие природного комплекса Сибири. Это объясняется устойчивостью фокуса восприятия тайги через оппозицию «человек – природа»: с одной стороны, таежное пространство – это сущность Сибири как *terra incognita* (не покоренная, не раскрывшаяся в своих естественно-исторических и экономических условиях и возможностях земля; живой, целостный, самодостаточный и саморазвивающийся организм; вечное движение, имеющее свои онтологические смыслы), с другой – человек, переселившийся или переселенный в Сибирь, пытающийся не только закрепиться в ее пространстве, но и подчинить своей воле ее вечные законы.

Сложность формирования и разнообразие интерпретаций пространства Сибири обращают нас к современным исследованиям ландшафта в двух его значимых ипостасях – языковом и культурном. И хотя все они сфокусированы на осмыслении культуuroобразующей роли пространственных объектов, но отличаются методологией поиска связи между физической реальностью, социальными практиками и рефлексиями. В общем виде различия в научных методах могут быть обозначены как «диахронный» и «синхронный» подходы.

Первый представлен исторической, этногеографической, диалектологической, литературоведческой научной традицией, оценивающей регио-

янина-колониата пищевой рацион, а церковное строительство уже позволяло считать территорию православной. См. об этом: [15, 16].

нальные культурно-языковые ландшафты как продукт последовательно-стадиального развития территориального сообщества. На макроуровне его вектор определяют идеи и технологии, полученные из метрополии или от более сильных в геополитическом отношении стран, на микроуровне – взаимовлияние и выборочное заимствование элементов жизнеустройства соседствующих этносов и групп. В совокупности процессы трансфера, диффузии и адаптации на каждом историческом этапе образуют среду обитания с выраженной иерархией подсистем и взаимодействий. И хотя среда сохраняет следы ушедших эпох (нередко для указания на их глубинное присутствие и периодическую актуализацию используется образ палимпсеста), но во многом эти следы оказываются нивелированными и соотнесенными с современностью и региональными идентичностями, понимаемыми как медленно формирующийся и потому устойчивый ментальный конструкт (см., например: [17, 18]).

Синхронный подход используется преимущественно в современных диалектологических исследованиях, характеризующих языковую ситуацию в селах бытования русских говоров Сибири как обусловленную влиянием литературного языка и взаимодействием с соседствующими народами и, соответственно, потенциально мультязычную. Вместе с тем в целом ряде диалектологических исследований доказывается высокая степень сохранности и целостности той части русской традиционной культуры, которая «отвечает» за восприятие и осмысление мира человеком [19, 20]. Такое понимание пространственных связей коррелирует с акторно-сетевой теорией, предлагающей рассматривать территориальные общества как сложно организованные и нелинейно развивающиеся, с многочисленными и нередко конкурирующими узлами коммуникации. Причем для обеих парадигм культурно-языковые ландшафты выступают подвижными и постоянно изменяющимися, а региональные идентичности – «плавающими» и «ситуативными» [21, 22].

Несмотря на очевидные различия диахронного и синхронного подходов к изучению культурно-языковых феноменов, на наш взгляд, их объединяет особое внимание к теме генерирования и передачи информации и понимание того, что термин «информационные потоки» не сводится к процессу функционирования словесной культуры. Включение в предметное поле анализа социально-коммуникативных структур, природа которых зависима от культурных и языковых параметров ландшафта, требует признания факта, что значимая и структурно образующая региональное сообщество информация может быть передана как вербально, так и с помощью ритуалов, технологий и предметов / вещей.

Предварительное сопоставление диалектных, литературных и археологических данных, полученных научным коллективом (участником настоящего проекта), подтверждает этот тезис: культурно-языковой ландшафт Сибири не только складывался и изменялся под влиянием зафиксированных литературой и публицистикой образов региона, но и зависел от способов хозяйственного освоения его природных ресурсов, сочетания рыноч-

ных и натуральных форм обменных операций с метрополией и ближайшими соседями, институтов военно-политической мобилизации населения, отношения к этническим традициям изготовления ритуальной одежды и пищи и проч.

В свою очередь, это дает основание для выдвижения *исследовательской гипотезы*: равновесное состояние культурно-языкового ландшафта регионов, трансграничные характеристики которых дополняются выраженной тенденцией к локализации, обеспечивается балансом исторически сложившихся формальных и неформальных социальных сетей и сообществ и зависит от характера циркулирующих в них информационных потоков. Соответственно, встают вопросы о принципах научного описания, во-первых, обстоятельствах появления сетей, сообществ и практик коммуникации; во-вторых, моделей их конструирования в языковых, идентификационных и литературных контекстах, реальных и воображаемых корреляциях. От ответов на них, в сущности, зависит понимание роли, которую играли в прошлом и способны играть сегодня пространственные локусы власти, идеологии, религии и хозяйствования в балансировании между тенденцией встраивания Сибири в транснациональную и общероссийскую социальную и культурную инфраструктуру и тенденцией к территориальной фрагментации, задаваемой ее собственным «историческим багажом».

Модель и источники реконструкции культурно-языкового ландшафта в ситуации трансграничья. Мы исходим из того, что рожденные ситуацией трансграничья социально-пространственные структуры не только сами видоизменяли диалектные ареалы и литературные рефлексии, функциональное назначение «дорусских» и «русских» элементов ландшафта, методы кооперации и формы конфликтов, но и испытывали обратное и нередко равновекторное давление. Анализ этих линий влияния требует принимать во внимание смысловые нюансы понятий «места» (локуса) и «пространства», где первое есть символически маркируемый географический объект, а второе – результат языковой и социальной деятельности по его символизации и включению в региональные и трансрегиональные коммуникации в соответствии с некоторой политической, религиозной, культурно-идеологической и экономической системой координат. Это делает оправданным применение модели Д. Липплэ, успешно адаптированной Ф.Б. Шенком при исследовании роли транспортных путей в Российской империи [11]. Составленная из четырех компонентов («физический субстрат», «системы регулирования», «интеракции и действия», «символическое кодирование и восприятие»), она позволяет проследить логику складывания культурно-языкового ландшафта в диахронии и синхронии и степень его устойчивости в разных исторических обстоятельствах.

Физический субстрат общественных отношений

В данном случае речь идет о «локусах», которые сосредоточивают и/или создают вертикальные и горизонтальные информационные потоки в

регионе. Несмотря на разницу происхождения (естественное или искусственное), они тем не менее могут выступать источником двух групп представлений о ландшафтах – об изначально «своем» (как правило, сакральном) месте проживания или сконструированном посредством культурно обоснованных языковых, интеллектуальных и социальных практик.

Так, для жителей Среднего Приобья базовым природным локусом является лес, ландшафт которого образован таежными массивами с многочисленными болотами и реками. Лес выступает гарантом физического существования человека, источником питания, топлива, строительства домов, определяет специфику хозяйственной деятельности, в частности развитие лесной промышленности (заготовка, обработка, транспортировка хвойной древесины, восстановление леса), таежных промыслов и рыболовства в промышленных масштабах. Эта хозяйственная специфика, заданная природными условиями, отражена на языковом уровне, прежде всего, в наборе тем диалектного общения, их повторяемости. Не случайно в Томском диалектном корпусе наиболее частотными, отражающими региональную специфику, являются темы, связанные с природой и использованием ее ресурсов [23].

Примером локусов-мест искусственного происхождения в таежной зоне, способных генерировать социальные коммуникации и одновременно обеспечивать сохранение традиционной картины мира жителей территории, являются культовые постройки. Оценка их в контексте русской колонизации Сибири позволяет заметить, что процесс христианской символизации осваиваемой территории не исчерпывался официальным учреждением храмов и монастырей, но включал в себя создание нелегальных старообрядческих скитов – поселений монастырского типа с аграрно-промысловой экономикой. Именно старообрядческое пустынножителство, запрещенное законодательно, дает уникальный материал для реконструкции представлений православных крестьян о правильно организованной «территории спасения» и этапах превращения таких поселений в неформальный идейный центр для сельской округи. Это выразилось в использовании при устройстве таежных обителей символики храмового пространства (кельи имели аналои и иконостасы), проведении богослужения по старопечатным книгам и подчинении жизни скитской общины монастырскому уставу. Сочетание визуальных, ритуальных и вербальных форм поддержания сакрального локуса и религиозного авторитета скитников позволило старообрядческим скитам не менее успешно, чем «официальные» церковные институты, выполнять задачу поддержания этноконфессиональной идентичности русского населения таежной зоны Сибири на протяжении XVIII–XX вв.

Примеры показывают базовое сходство функций природных и создаваемых искусственно культурно значимых локусов: с их помощью ранжируются ценностные нормы и модели поведения и оформляется культурное обоснование иерархии социальных связей.

Системы регулирования социальных отношений

Системы регулирования социальных отношений также могут существовать в двух видах – институциональном и неинституциональном, способность их выступать в качестве связующего звена между материальным субстратом пространственных отношений и общественной практикой в равной мере отражена словесной культурой, повседневными коммуникациями, формами властвования и собственности, правовой регламентации и контроля.

Взаимодополняемость систем регулирования отчетливо представлена, например, в контактах сибирских старожилов и переселенцев во второй половине XIX–XX в. Их «заданность» государственными нормативными документами [24] и одновременно крестьянским обычным правом сформировала вариативность адаптивных стратегий крестьянского населения региона [25]. На уровне словесной культуры эта тенденция находит выражение в полидискурсивном существовании жителя современного сибирского села. По наблюдению И.В. Тубаловой, институциональные и личностно-ориентированные дискурсы взаимодействуют друг с другом и находятся в достаточно сложных отношениях: «Неповседневные дискурсы, направляя текстопорождающую деятельность субъекта на восстановление дискурсивного порядка, активизируют его обращение к речевым формам институциональных дискурсов как маркерам особого статуса речевого произведения» [26. С. 348]. Отметим важный для нас вывод исследователя о том, что институциональные дискурсы, включаясь в повседневную коммуникацию, в большинстве случаев сохраняют исходное модусное содержание и в значительно меньшей степени по сравнению с другими типами дискурса подвергаются трансформации.

Литературный срез комплементарности систем регулирования глобального и локального происхождения открывают старообрядческие рукописные «Цветники». Объединение под одним переплетом сочинений известных христианских авторов и местных полемистов обеспечивало трансляцию христианских императивов в среде русских переселенцев и помогало отдельным религиозным сообществам выработать адекватные социальным реалиям коммеморативные стратегии [27]. Не менее любопытную комбинацию трансграничного и регионального дает археологический материал: нюрнбергские жетоны, имевшие хождение на территории Сибири с конца XVI в. и используемые русскими в том числе и как средство меновой торговли, исчезают полностью после 1793 г. [28] Если сопоставить эти данные с реальным усилением имперской власти за Уралом после подчинения административного устройства Сибири «Учреждению о губерниях» (1775) и переводом чеканивших русскую монету Кольвано-Воскресенских и Нерчинских заводов в личную собственность правящего дома (1747, 1787) [29. С. 76–84; 30. С. 243–262], то становится очевидным, что лишь междисциплинарным исследовательским программам под силу показать все богатство вынужденных и естественно возникших сочетаний институционального и неинституционального регулирования социальных отношений.

Общественные структуры интеракции и действия

Д. Липплэ и вслед за ним Ф.Б. Шенк фокусируют внимание на индивидуальных и групповых практиках по производству, использованию и присвоению пространственного субстрата. Исходя из задач и гипотезы нашего исследования, считаем целесообразным уточнить, что для нас представляют интерес те из практик, которые описываются концептами, прямо или косвенно соотносенными с ситуацией трансграничья, – *движение, освоение, взаимодействие*.

Междисциплинарный характер исследования предполагает рассмотрение выделенных концептов как в литературно-публицистическом, так и в историко-языковом измерении.

Например, художественное осмысление эти концепты получили в объемном корпусе публикаций в периодических и книжных изданиях местных и столичных авторов XIX–XX вв. В первую очередь речь идет о массиве историко-этнографических очерков просветительского и научно-популярного характера, оценивающих заселение Сибири славянскими этносами как военное завоевание, перешедшее в народную колонизацию. Сюда же следует отнести пласт сочинений самых разных жанров, где сибирская ссылка охарактеризована как особый род «освоения» сибирского пространства.

Все эти произведения отражают широкую палитру социальных отношений и взаимодействий (от мифологизации «первопроходцев» – Ермака, прежде всего, до драматических конфликтов старожилов с переселенцами, старообрядцев с властью и т.д.). Убедительность литературным памятникам придает включение в их повествование документальных и статистических материалов. Ведомости о движении населения по сибирским губерниям, отчеты о командировках по переселенческим участкам и научных экспедициях, доклады и проекты не только знакомят читателя с Сибирью, но и демонстрируют разные уровни региональных интеракций. Отдельно стоит выделить путевые заметки, путешествия, к которым чаще всего обращались столичные авторы. Картина сибирского мира, созданная на базе «сигналов» реальной действительности и личного авторского представления о ней, полученного во время путешествия по Сибири и подтверждаемого документально, создавалась в этих сочинениях исключительно на идеях движения, освоения, взаимодействия. Более того, сами концепты могли быть отражены даже в названиях художественных произведений сибирских авторов: «В погоне за золотом. Роман. (Из жизни наших далеких окраин)» А. Качки (1884), «Ермак, князь Сибирский, или Первые завоеватели Сибири: Исторический роман из времён Иоанна Грозного» в трёх частях В. Ягунова (1882), сборники рассказов Н.И. Наумова «Сила солонку ломит» (1874), «В тихом омуте» (1881), «В забытом краю» (1882) и др.

Анализ исторического измерения концептов «движение», «освоение» и «взаимодействие» позволяет, во-первых, определить степень влияния на формирование языкового ландшафта Сибири сезонных, межрегиональных

и транснациональных миграций; во-вторых, зафиксировать момент, когда перемещенные товары, заимствованные идеи и технологии открыто или исподволь начинают его преобразовывать; в-третьих, показать информационный потенциал «нового» в широком смысле в поддержании «старых» пространственных локусов и интеракций. Иллюстрацией подобного перехода служат история возникновения и литературные приемы полемики об «антихристовых деньгах», в орбиту которой в 1870–1920-е гг. оказались включены сибирские староверы-скитники⁸. Спровоцированная знакомством с сочинениями европейских единоверцев и сложностями ведения аграрного хозяйства в условиях ужесточения государственного контроля в сфере земле- и лесопользования, она привела к переосмыслению принципов управления скитскими капиталами и создала идейный фундамент для взаимодействий с советской деревней. В заданном контексте перспективным представляется исследование речевого облика сибирских сел, тяготеющих к старообрядческому скитам, в том числе с учетом условий формирования состава жителей, их религиозной принадлежности и экономической деятельности и других особенностей, определяющих специфику функционирования русского старожильского говора в сельском социуме.

Объединение в рамках одного исследования литературно-публицистических и историко-языковых аспектов формирования социокоммуникативного пространства Сибири дает основание для решения вопроса о влиянии каждого из них на складывание представлений коренных и пришлых сибиряков о себе и месте своего проживания.

Символическое кодирование и восприятие пространства

Процессы символизации и репрезентации пространства Сибири как территориальной целостности, так и микрорегиональных воплощений на протяжении уже нескольких десятилетий остаются в поле зрения гуманитариев (см., например: [33]). Избранная нами методологическая установка – культурно-языковой ландшафт и составляющие его социально-пространственные структуры пребывают в состоянии постоянного реформатирования, и поэтому их дискурсивные значения в каждый момент зависят от потоков информации и качества их агентов – требует привлечения источников текстуальной и вещественной природы, официального и негосударственного происхождения.

Например, устная речь русских сибиряков может быть корректно интерпретирована не только в соответствии с закономерностями развития их материнских говоров и логики заимствования лексики этносов-соседей, но

⁸ Частично вопросно-ответные послания, «обличения» и составленные по правилам литературного этикета просьбы о разъяснении смысла денег представлены в рукописном сборнике, составленном между 1960–1987 гг.: НБ ТГУ. ОРКП. В-26418. Цифровая копия рукописи размещена на сайтах Британской библиотеки и Научной библиотеки ТГУ, см. [31, 32].

и с учетом общего воздействия на них вокабуляра центральных и региональных СМИ, изменяющихся бытовых и производственных технологий. Аналогичным образом интерес сибирских интеллектуалов конца XIX в. к «дорусской» истории Сибири и фигуре Ермака необходимо рассматривать в контексте геополитического проекта «большой русской нации» и реакции на него движения сибирского областничества.

Мы полагаем, что при установлении факторов устойчивости культурно-языкового ландшафта принципы сочетания данных должны быть подчинены решению двуединой задачи: показать, с одной стороны, способы социального и символического упорядочивания пространственных объектов не изолированными и сменяющимися друг друга, а взаимно дополняющими; с другой – их манифестацию и дифференцирование в зависимости от этнической, конфессиональной, идеологической и в отдельных случаях гендерной принадлежности их «создателей» и «потребителей». Соответственно, процессы взаимного влияния письменных текстов и устной речи, идей и социальных практик, вещей и технологий мы предлагаем исследовать на двух уровнях: 1) групповом (на уровне отдельных социальных и этноконфессиональных сообществ); 2) социетальном (на уровне речевых практик и культурных паттернов, добровольно или вынужденно, осознанно или бессознательно разделяемых населением сибирских микрорегионов (городов, сел, исторически сформированных территориальных образований)). В качестве результатов этих взаимных влияний могут рассматриваться:

1) *характеристики языкового ландшафта* в различных вариантах его существования (языковой коллектив носителей говоров Среднего Приобья / диалектная языковая личность как типичный представитель этого сообщества) и дикурсивных способах проявления (культурные концепты, стратегии и тактики речевого поведения, жанры диалогического общения, речевой этикет);

2) *социальные варианты культурного ландшафта* – особенности формирования в иноречевой культурной среде как самих русскоязычных социальных общностей Сибири (городских / сельских, церковно-приходских / старообрядческих, старожильческих / переселенческих и т.д.), так и их литературных рефлексий;

3) *иерархии локусов как пространственных объектов*, наделяемых индигенными и пришлыми создателями, хранителями и трансляторами способностью моделировать непространственные отношения – политические, экономические, культурные, мемориальные и проч.

В такой постановке вопроса принципиальное значение для определения обстоятельств формирования и изменения культурно-языкового ландшафта приобретают источники информации, дающие сведения о групповых и социетальных практиках конструирования образа региона и ситуации трансграничья. Так, анализ первых возможен на основе словесных произведений (книжных, документальных и журнально-газетных публикаций, литературных альманахов и сборников, конфессиональных историко-полемиических сочинений, агитационных материалов и т.д.). Для реконструкции социетальных практик есть смысл привлечь следующие корпуса материалов:

а) архив данных устной речи русских старожилов Сибири, дающий возможность изучения различных локусов традиционной народной культуры в аспекте ее сохранения и трансформации и позволяющий моделировать речевые портреты населенных пунктов, находящихся на транспортных магистралях и удаленных от них;

б) входящие в состав библиотек сибирских староверов памятники христианской литургической и вероучительной литературы с анонимными читательскими маргиналиями и следами «благочестивой» книжной реставрации, которые открывают пути осмысления сибирскими конфессиональными мигрантами своей принадлежности к христианской ойкумене;

в) материалы археологических раскопок, отражающие смену культурных ландшафтов Сибири и позволяющие обоснованно судить о взаимовлиянии бытовых и культовых практик индигенных народов и нового пришлого населения, глубине и устойчивости трансграничных связей Сибири в XV–XIX вв. и отношении ее современного населения к сохранению памяти о них.

Полагаем, что объединение названных массивов данных в рамках единой исследовательской задачи способно существенно дополнить и, возможно, скорректировать научное знание о механизмах региональной и этноконфессиональной идентификации местного и пришлого населения Сибири в прошлом и настоящем.

Выводы

Итак, модель реконструкции культурно-языкового ландшафта строится на положении о том, что такого рода ландшафты, сформировавшись в результате взаимодействия различных факторов, в дальнейшем сами становятся импульсом для создания разнообразных территориальных связей. Предлагаемая модель включает четыре компонента: «физический субстрат», «системы регулирования», «интеракции и действия», «символическое кодирование и восприятие», рассматриваемые с привлечением данных лингвистики, литературоведения, истории, археологии.

Значимость результатов, полученных на основе применения разработанной модели, определяется возможностью концептуализации в гуманитарном исследовании понятия «трансграничье».

Предложенная модель позволяет:

– описывать социальные коммуникации двух типов: политические / вертикальные связи между центром и периферией и культурные / горизонтальные связи региональных сообществ с непосредственными и отдаленными соседями, которые наряду с трансфером идей и технологий могут являться источником формирования альтернативных, неофициальных локусов политико-правового, сакрального и мемориального значения;

– учитывать разнообразие социальных вариантов культурного ландшафта и речевого поведения диалектоносителей;

– принимать во внимание особенности и ограничения разных типов источников информации, используемых при изучении указанных процессов,

что является значимым для разработки конвенциональной терминологии и инструментария.

Литература

1. *Трансграничное* сотрудничество в процессах европейской интеграции = Współpraca transgraniczna w procesach integracji europejskiej / под ред. В.С. Бильчака, М. Горновича. Калининград : Изд-во Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, 2011. 248 с. URL: <http://www.iprbookshop.ru/23943.html>. ЭБС «IPRbooks».
2. *Корнеев* В.С. Формирование трансграничных мезорегионов на Балтике. Калининград : Изд-во Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, 2010. 80 с.
3. *De Rougemont D.* L'avenirestnotre affaire. Paris : Stock, 1977. 376 p.
4. *Трансграничье* в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия (теория трансграничья, сравнительное гражданское право, трансграничное образование, прикладные исследования) : сб. ст. / под ред. О.А. Марковой. Чита : Изд-во Забайкальского гос. гуманитар.-пед. ун-та им. Н.Г. Чернышевского, 2010. 261 с.
5. *Ярошенко А.В.* Проблемные пути концептуализации трансграничья // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2012. № 152. С. 41–47.
6. *Русские* говоры Среднего Приобья. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1985. Ч. 1. 201 с.
7. *Катионов О.Н.* Московско-Сибирский тракт как основная сухопутная транспортная коммуникация Сибири XVIII – XIX вв. Новосибирск : Изд. Новосиб. гос. пед. ун-та, 2008. 372 с.
8. *Родигина Н.Н.* «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начале XX в. Новосибирск : Изд. Новосиб. гос. пед. ун-та, 2006. 343 с.
9. *Айзикова И.А., Волошина С.В., Есипова В.А. и др.* Словесная культура Сибири в общероссийском и европейском контекстах (XIX – начало XX в.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2019. 492 с.
10. *Демешкина Т.А.* Ссылка как феномен сибирской лингвокультуры // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 56. С. 34–46.
11. *Шенк Ф.Б.* Поезд в современность: Мобильность и социальное пространство России в век железных дорог. М. : Новое литературное обозрение, 2016. 584 с.
12. *Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю.* Гуманитарная география: предмет изучения и основные направления развития // Известия РАН. Серия географическая. 2011. № 5. С. 97–108.
13. *Митин И.И.* На пути к воображаемой географии: два поворота, три пространства // Топос.: Философско-культурологический журнал. 2011. № 1. С. 62–73.
14. *Schultz H.-D.* Räume sind nicht, Räume werden gemacht. Zur Genese «Mitteleuropas» in der deutschen Geographie // Europa Regional. 1997. Bd. 5. S. 2–14.
15. *Шелегина О.Н.* Адаптационные процессы в культуре жизнеобеспечения русско-го населения Сибири в XVIII – начале XX в. (к постановке проблемы). Новосибирск : Сибирская научная книга, 2005. 192 с.
16. *Родигина Н.Н.* «Земля обетованная» или «каторжный рай»: Сибирь в восприятии крестьян Европейской России второй половины XIX в. // Моя Сибирь: Вопросы региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 2005. С. 24–33.
17. *Словарь* народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII века / под ред. В.В. Палагиной, Л.А. Захаровой ; авт.-сост. В.В. Палагина и др. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 340 с.
18. *Волхонский М.А., Ярлыкапов А.А.* Ногайская степь как культурный ландшафт: проблемы идентификации и изучения // Уральский исторический вестник. 2020. № 2. С. 61–70.
19. *Иванцова Е.В.* Ритуал потчевания в традиционной народной культуре // Теоретические и прикладные аспекты филологии. Томск, 2004. С. 141–145.

20. *Томская* диалектологическая школа: историографический очерк / под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. 392 с.
21. *Ло Дж.* Объекты и пространства // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5, № 1. С. 30–41.
22. *Демешкина Т.А.* Славянский компонент в самоидентификации жителя Сибири // Русин. 2015. № 3 (41). С. 90–107.
23. *Томский* диалектный корпус. URL: <http://losl.tsu.ru/?q=node/23> (дата обращения: 02.09.2020).
24. *Белянин Д.Н.* Государственная политика аграрно-крестьянских переселений в Западную Сибирь в 1861–1917 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2016. 22 с.
25. *Чуркин М.К.* Адаптивная ситуация, барьеры и стратегии поведения переселенцев черноземного центра Европейской России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Сибирские исторические исследования. 2013. № 1. С. 18–30.
26. *Тубалова И.В.* Полифонический текст в устных и личностно-ориентированных дискурсах. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 368 с.
27. *Дутчак Е.Е.* Литературная история таежного скита: от жанра поучения к культуре самоописания // Старообрядческая культура и современный мир : сб. науч. тр. и материалов / отв. ред. и сост. С.В. Таранец. Киев : Национальная академия наук Украины, 2018. Вып. 8. С. 161–188.
28. *Пушкарев А.А.* Нюрнбергские жетоны как культурно-хронологические маркеры эпохи русского освоения Западной Сибири // *Vylye Gody*. 2020. Vol. 57, is. 3. P. 919–929.
29. *Сибирь* в составе Российской империи. М. : Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.
30. *Жеравина А.Н.* Кабинетское хозяйство в Сибири (1747–1861 гг.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 324 с.
31. EAP834 «Living or leaving tradition: textual heritage of the Taiga Old Believers' skit». – The Endangered Archives Programme: URL: <http://eap.bl.uk/database/results.a4d?projID=EAP834> (дата обращения: 02.09.2020).
32. *Скитская* библиотека. – Научная библиотека Томского государственного университета: URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Collection/vital:4153> (дата обращения: 02.09.2020).
33. *Суханов В.А., Щербинин А.И.* Жизнь и смерть «Сибирских Афин»: проблема жизненного цикла метафорического топонима в различных дискурсах XX – начала XXI в. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 47. С. 149–170.

The Socio-Communicative Space of Transboundary Areas: A Reconstruction Model of the Cultural and Linguistic Landscape of Siberia

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 67. 28–44. DOI: 10.17223/19986645/67/2

Tatyana A. Demeshkina, Elena E. Dutchak, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: demeta@rambler.ru / dee010@mail.ru

Keywords: transboundary area, cultural and linguistic landscape, model, socio-communicative space, Siberia.

The study is carried out within the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. 0721-2020-0042.

The article substantiates the effectiveness of an interdisciplinary approach to the study of the cultural and linguistic landscape of Siberia as a transboundary region, which has been forming over a long historical period under the influence of integrative and disintegrative trends. The research hypothesis is that the equilibrium state of the cultural and linguistic

landscape of regions, the transboundary characteristics of which are complemented by a pronounced tendency to localization, is ensured by the balance of historically established formal and informal social networks and communities and depends on the nature of information flows circulating in them. Based on works by Frithjof B. Schenk, the authors propose a reconstruction model of the socio-communicative space of a region. The model consists of four components: “physical substrate”, “regulation systems”, “interactions and actions”, “symbolic coding and perception”. The authors analyse the components in the linguistic, literary, archaeological, and anthropological aspects, which makes it possible to comprehensively describe the space. The authors propose to study the mutual influence of written texts and oral speech, ideas and social practices, things and technologies at two levels: (1) group (at the level of individual social and ethno-confessional communities); (2) societal (at the level of speech practices and cultural patterns, voluntarily or involuntarily, consciously or unconsciously shared by the population of Siberian microregions (cities, villages, historically formed territorial units). The authors describe the sources of interdisciplinary research, which are data obtained by historians, dialectologists, archaeologists, literary scholars. The explanatory power of the proposed model, in the authors’ opinion, lies in the fact that it allows (1) describing social communications of two types: political/vertical ties between the centre and the periphery and cultural/horizontal ties of regional communities with immediate and distant neighbours, which, along with the transfer of ideas and technologies, can be a source of formation of alternative, unofficial loci of political and legal, sacral and memorial values; (2) taking into account the variety of social options of the cultural landscape and dialect speakers’ speech behaviour; (3) taking into account the peculiarities and limitations of different types of information sources used in the study of these processes, which is significant for the development of conventional terminology and tools.

References

1. Bil’chak, V.S. & Gornovich, M. (eds) (2011). *Transgranichnoe sotrudnichestvo v protsessakh evropeyskoy integratsii. Współpraca transgraniczna w procesach integracji europejskiej* [Cross-Border Cooperation in the Processes of European Integration. Współpraca transgraniczna w procesach integracji europejskiej]. Kaliningrad: Immanuel Kant BFU. [Online] Available from: <http://www.iprbookshop.ru/23943.html>.
2. Korneevets, V.S. (2010) *Formirovanie transgranichnykh mezoregionov na Baltike* [Formation of Transboundary Mesoregions in the Baltic]. Kaliningrad: Immanuel Kant BFU.
3. Rougemont, D. de (1977) *L’avenir est notre affaire*. Paris: Stock.
4. Markova, O.A. (ed.) (2010) *Transgranich’e v izmenyayushchemsya mire: Rossiya – Kitay – Mongoliya (teoriya transgranich’ya, sravnitel’noe grazhdanskoe pravo, transgranichnoe obrazovanie, prikladnye issledovaniya)* [Cross-Border Area in a Changing World: Russia – China – Mongolia (Theory of cross-border area, comparative civil law, cross-border education, applied research)]. Chita: Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University named after N. Chernishevsky.
5. Yaroshenko, A.V. (2012) Conceptualization the transboundary. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 152. pp. 41–47. (In Russian).
6. Palagina, V.V. (ed.) (1985) *Russkie govory Srednego Priob’ya* [Russian Dialects of the Middle Ob Region]. Part 1. Tomsk: Tomsk State University.
7. Kationov, O.N. (2008) *Moskovsko-Sibirskiy trakt kak osnovnaya sukhoputnaya transportnaya kommunikatsiya Sibiri XVIII – XIX vv.* [Moscow-Siberian Tract as the Main Land Transport Communication of Siberia in the 18th – 19th Centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
8. Rodigina, N.N. (2006) “*Drugaya Rossiya*”: obraz Sibiri v russkoy zhurnal’noy presse vtoroy poloviny XIX – nachale XX v. [“Another Russia”: the Image of Siberia in the Russian Magazine Press of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.

9. Ayzikova, I.A. et al. (2019) *Slovesnaya kul'tura Sibiri v obshcherossiyskom i evropeyskom kontekstakh (XIX – nachalo XX v.)* [Verbal Culture of Siberia in the All-Russian and European contexts (19th – Early 20th Centuries)]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Demeshkina, T.A. (2018) “Exile” as a phenomenon of the Siberian linguaculture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – Tomsk State University Journal of Philology*. 56. pp. 34–46. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/56/3
11. Schenk, F.B. (2016) *Poezd v sovremennost': Mobil'nost' i sotsial'noe prostranstvo Rossii v vek zheleznykh dorog* [Train to the Present: Mobility and Social Space in Russia in the Age of Railways]. Translated from German. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
12. Zamyatin, D.N. & Zamyatina, N.Yu. (2011) Gumanitarnaya geografiya: predmet izucheniya i osnovnye napravleniya razvitiya [Humanitarian geography: subject of study and main directions of development]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*. 5. pp. 97–108.
13. Mitin, I.I. (2011) Na puti k voobrazhaemoy geografii: dva povorota, tri prostranstva [Towards an imaginary geography: two turns, three spaces]. *Topos. Filosofsko-kul'turologicheskii zhurnal – Topos: Journal for Philosophy and Cultural Studies*. 1. pp. 62–73.
14. Schultz, H.-D. (1997) Räume sind nicht, Räume werden gemacht. Zur Genese “Mitteleuropas” in der deutschen Geographie. *Europa Regional*. 5. pp. 2–14.
15. Shelegina, O.N. (2005) *Adaptatsionnye protsessy v kul'ture zhizneobespecheniya russkogo naseleniya Sibiri v XVIII – nachale XX v. (k postanovke problemy)* [Adaptation Processes in the Culture of Life Support of the Russian Population of Siberia in the 18th – Early 20th Centuries (to the Problem Statement)]. Novosibirsk: Sibirskaya nauchnaya kniga.
16. Rodigina, N.N. (2005) “Zemlya obetovannaya” ili “katorzhnyy ray”: Sibir' v vospriyatii krest'yan Evropeyskoy Rossii vtoroy poloviny XIX v. [“Promised Land” or “Katorga Paradise”: Siberia as Perceived by the Peasants of European Russia in the Second Half of the 19th Century]. In: Zverev, V.A. (ed.) *Moya Sibir'. Voprosy regional'noy istorii i istoricheskogo obrazovaniya* [My Siberia. Questions of Regional History and History Education]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. pp. 24–33.
17. Palagina, V.V. & Zakharova, L.A. (ed.) (2001) *Slovar' narodno-razgovornoy rechi g. Tomsk XVIII – nachala XVIII veka* [Dictionary of Folk-Colloquial Speech of Tomsk in the 17th – Early 18th Centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
18. Volkhonskiy, M.A. & Yarlykapov, A.A. (2020) Nogai Steppe as a Cultural Landscape: Problems of Identification and Study. *Ural'skiy istoricheskii vestnik – Ural Historical Journal*. 2020. 2. pp. 61–115. (In Russian). DOI: 10.30759/1728-9718-2020-2(67)-61-70
19. Ivantsova, E.V. (2004) Ritual potchevaniya v traditsionnoy narodnoy kul'ture [The ritual of treating in traditional folk culture]. In: *Teoreticheskie i prikladnye aspekty filologii* [Theoretical and Applied Aspects of Philology]. Tomsk: STT. pp. 141–145.
20. Blinova, O.I. (ed.) (2006) *Tomskaya dialektologicheskaya shkola: istoriograficheskii ocherk* [Tomsk Dialectological School: Historiographic Sketch]. Tomsk: Tomsk State University.
21. Law, J. (2006) Objects and Spaces. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Russian Sociological Review*. 1 (5). pp. 30–41. (In Russian).
22. Demeshkina, T.A. (2015) Traits of the Slavic identity in the self-identification of a Siberian native. *Rusin*. 3 (41). pp. 90–107. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/41/7
23. *Tomskiy dialektnyy korpus* [Tomsk Dialect Corpus]. [Online] Available from: <http://losl.tsu.ru/?q=node/23>. (Accessed: 02.09.2020).
24. Belyanin, D.N. (2016) *Gosudarstvennaya politika agrarno-krest'yanskikh pereseleniy v Zapadnyuyu Sibir' v 1861–1917 gg.* [State policy of agrarian-peasant resettlements to Western Siberia in 1861–1917]. Abstract of History Dr. Diss. Tomsk.
25. Churkin, M.K. (2013) Adaptive situation, barriers and behavioral strategies of immigrants of Central Chernozem Region of European Russia (the second half of the XIX – beginning of the XX century). *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 1. pp. 18–30. (In Russian).

26. Tubalova, I.V. (2016) *Polifonicheskiy tekst v ustnykh i lichnostno-orientirovannykh diskursakh* [Polyphonic Text in Oral and Person-Centred Discourses]. Tomsk: Tomsk State University.
27. Dutchak, E.E. (2018) Literaturnaya istoriya taezhnogo skita: ot zhanra poucheniya k kul'ture samoopisaniya [Literary history of the taiga hermitage: from the genre of instruction to the culture of self-description]. In: Taranets, S.V. (ed.) *Staroobryadcheskaya kul'tura i sovremennyy mir* [Old Believers' Culture and the Modern World]. Vol. 8. Kiev: NA SU. pp. 161–188.
28. Pushkarev, A.A. (2020) Nuremberg jetons as cultural and chronological markers of the Russian period in Western Siberia. *Bylye Gody*. 3 (57). pp. 919–929. (In Russian). DOI: 10.13187/bg.2020.3.919
29. Dameshek, L.M. & Remnev, A.V. (eds) (2007) *Sibir' v sostave Rossiyskoy imperii* [Siberia within the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
30. Zheravina, A.N. (2005) *Kabinetnoe khozyaystvo v Sibiri (1747–1861 gg.)* [Cabinet Economy in Siberia (1747–1861)]. Tomsk: Tomsk State University.
31. Endangered Archives Programme. (n.d.) *EAP834. Living or leaving tradition: textual heritage of the Taiga Old Believers' skit*. [Online] Available from: <http://eap.bl.uk/database/results.a4d?projID=EAP834>. (Accessed: 02.09.2020).
32. Research Library of Tomsk State University. (n.d.) *Skitskaya biblioteka* [The Hermitage Library]. [Online] Available from: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Collection/vital:4153>. (Accessed: 02.09.2020).
33. Sukhanov, V.A. & Shcherbinin, A.I. (2017) Life and death of the “Siberian Athens”: the problem of the life circle of the metaphorical toponym in the discourses of the 20th – early 21st centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – Tomsk State University Journal of Philology*. 47. pp. 149–170. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/47/11